

Владимир Щербина: "Тогда я принял одно из самых непростых решений: уйти на объект"

В ходе подготовки книги "Живы, пока нас помнят", которая выйдет в свет в апреле, к 25-летию Чернобыльской катастрофы, Александр Купный встретился с первыми ликвидаторами и с теми, кто внес существенный вклад как в ликвидацию аварии, так и в работу ЧАЭС. Одна из встреч была с почетным гражданином Славутича В.Г. Щербиной.

Мы полагаем, что записи, сделанные во время беседы, будут интересны самому широкому кругу читателей.

Продолжение. Начало в №8

РАБОТА НА ЧАЭС

Во второй раз меня откомандировали в Чернобыль после Нового года, в начале января 1987-го. В это же время Уманца М.П. назначают директором ЧАЭС. Мы с ним на станции встретились, и он мне говорит: "Ну, что ты будешь бумажной работой в Москве заниматься? Тут такая интересная, живая работа. Переходи ко мне замом главного по радиационной безопасности".

Надо сказать, что мы были в хороших отношениях и Михаил Пантелевич знал, что мне предложить, чтобы я согласился. И я согласился. Когда сообщил о своем решении Чистохину, он лишь сказал, что в Москву два раза не пригласают.

Вернулся на ЧАЭС и первым делом запретил списывать дозы. Был такой случай. Дозиметр одной из работниц ЦТПК показал 70 бэр. Она в заявлении написала, что потеряла, потом нашла. На основании объяснительной начальника цеха просит дозу считать недействительной. Я отказал. Пришла сама виновница и уговаривала списать: "Яка там доза, я её в глаза не видела, у меня семья, кормить надо".

Но я настоял, и через несколько лет встретил её в НЦРМ в Киеве, она проходила обследование. Благодарил, что не списал эти 70 бэр. Выданная тогда справка сыграла свою роль при получении льгот.

Я взял на себя не только контроль радиационной безопасности, но и всю радиационную защиту, охрану труда и технику безопасности, пожарную безопасность, дезактивацию блоков, анализ аварийных ситуаций. Раньше на станции существовал лишь дозконтроль, и то слабый. И обстановка стала выправляться. К маю 87 года случаев переоблучения свыше 25 бэр у нас практически не было.

Пуск 3-го блока

В июне 87-го встал вопрос о пуске 3-го блока. Председатель Правительственной комиссии по ликвидации аварии Б.Е. Щербина считал, что надо пускать. Но в политбюро ЦК КПСС единого мнения не было. В июле должно было состояться заседание политбюро и решиться этот вопрос.

Уманец направляет меня в Москву для работы в комиссии, которая должна была доказать возможность пуска 3-го блока. Мы составили обоснование, где написа-

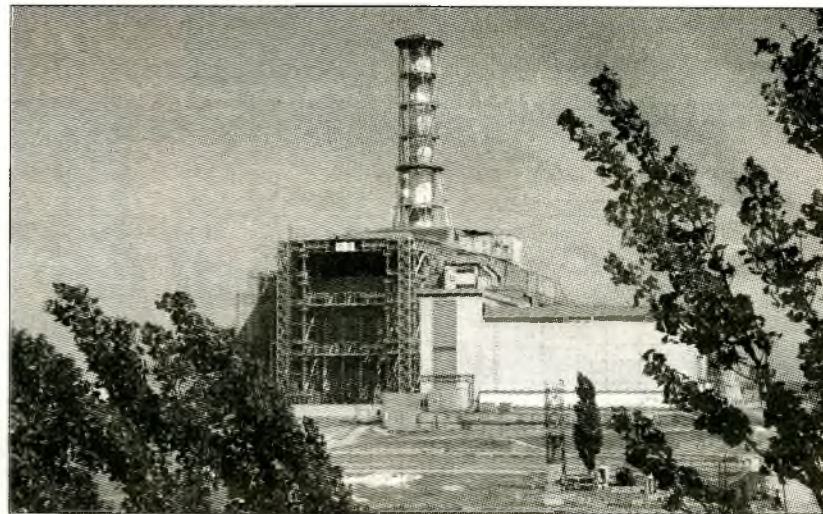
ли, почему можно и нужно пускать третий блок. Но его надо было ещё подписать у трех министров: Луконина Н.Ф. — министра атомной энергетики, Рябева Л.Д. — министра среднего машиностроения, и Ахромеева С.Ф. — начальника Генерального штаба министерства обороны. Рябев отвечал за то, что теоретически это возможно, Луконин — что практически это можно сделать, а Ахромеев — что третий блок можно дезактивировать до приемлемых уровней радиации.

“

Когда "Укрытие" построили и сдали в эксплуатацию, встал вопрос: кто будет им заниматься? Станция не могла и не хотела, потому что никто не знал, что реально представляет собой "Укрытие".

”

Луконин подписал первым и быстро. Рябев был очень скрупулезным, нашел у нас две орфографические ошибки, пожурил и подписал. Оставался маршал Ахромеев. Зашли к нему в огромный кабинет, и он спрашивает: "Ну, рассказывайте, сынки, зачем пришли?" Мы ему, так, мол, и так. "Что ж вы без нас справиться не можете? Чуть что сразу армия. У нас своих задач и проблем хватает, а ту вы ещё со своими авариями..." — маршал поделился с нами тяго-

Август 2010-го. Фото из архива Александра Купного

тами работы начальником Генерального штаба и всё же обоснование подписал. Через пару дней на заседание политбюро было решено пускать третий блок. Наше обоснование помогло в принятии этого решения.

Вернулся на станцию и... началось. Дезактивация помещений, оборудования, обеспечение радиационной безопасности действующих блоков и третьего блока, восстановление доз облучения, полученных при аварии, организация новой системы радиационного контроля. Прежняя была полностью уничтожена. Работы много, и она была сложной. Простых задач тогда не было. Но в срок уложились, и 30 декабря блок пустили.

Объект "Укрытие"

Когда "Укрытие" построили и сдали в эксплуатацию, встал вопрос: кто будет им заниматься? Станция не могла и не хотела, потому что никто не знал, что реально представляет собой "Укрытие".

Решено было отдать науке, Комплексной экспедиции Курчатовского института. Но Б.Е. Щербина сказал, что просто отдавать науке нельзя, надо их контролировать. И на станции был создан цех РЦ-4, начальником назначили Г.И. Рейхмана. Подчинялся он заму главного инженера по эксплуатации, для которого основной задачей была выработка электроэнергии, а тут какой-то объект "Укрытие" и РЦ-4, с не совсем понятными функциями.

Георгий Исаевич неоднократно обращался ко мне с просьбой забрать к его себе, и в конце 88-го

удалось убедить Уманца переподчинить РЦ-4 мне. Начали с Рейхманом работать вместе. Георгий Исаевич — это умнейший руководитель своего уровня, умеет договариваться с людьми и понимать их.

В 89 году наше министерство ликвидировало и станцию передало обратно в министерство среднего машиностроения. Уманца уговорили отдать объект "Укрытие" в Комбинат, был готов приказ о передаче с 1 января 1990 года. Тогда я принял, наверное, одно из самых не простых решений — уйти на объект. Но считал, что отделять "Укрытие" от ЧАЭС нельзя. Не столько "Укрытию" нужна станция, сколько станции нужно было "Укрытие".

Удалось убедить Уманца М.П. и главного инженера Сорокина Н.М. оставить объект "Укрытие" в структуре станции. Позже, когда приказ отменили, я доказал необходимость создания отдельного предприятия "Объект "Укрытие" — и меня назначили его директором. Началась работа по созданию коллектива, пробиванию финансирования, организации оперативных смен, выработки программ. А тут разваливается Союз. Комплексная экспедиция уходит. Надо кем-то её заменить. Создали международный научно-технический центр "Укрытие". А в 1992 году Уманец был назначен председателем Государственного комитета по использованию ядерной энергии, а директором ЧАЭС назначили Н.М. Сорокина.

Окончание следует